

глава 12

ЗАКОН НЕ ПИСАН

ДРАКА В ТЮРЬМЕ

Карабахский дневник, бывший заключённый

Выслушайте мой маленький эпизод, который был в зоне, где я отсиживал пятилетний срок. Обычно в нашенских зонах справляют дни рождения воров или их поминки. На таких мероприятиях присутствует только «братва» лагеря, одним словом, весь порядочный люд. Во время таких мероприятий ни один «активист», вплоть до самого главного, то есть, нарядчика, не имеет права помешать или кого-то потревожить, так как это святое для нас.

В один из таких дней рождения, не буду называть какого вора, сидели, праздновали. Где-то в середине праздника подходит к дверям «бугор» нашего отряда и зовет меня. Прежде чем мне выйти, мне сказали, чтоб я не дерзил для того, чтоб праздник был на высшем уровне, то есть, чтоб я не обломал это все. Вышел, «бугор» мне кричит: «Тебя вызывает начальник учреждения!» Я говорю: «По какому поводу?» Он мне говорит: «Я не должен отчитываться перед тобой, сходишь к хозяину — узнаешь». Я ему кричу в ответ: «Если ты знаешь по какому поводу — скажи, все равно я сейчас не пойду. А во-вторых, — говорю, — ты же знаешь, где я нахожусь и что мы празднуем. Какое ты имел право прийти вызвать меня?» Он мне отвечает, мол, мне по фигу, и вдобавок еще кроет меня матом. Ну, я не думая даю ему в «лобишник», ломаю ему нос и успеваю еще один раз ударить. Подлетает вся эта их «козлота», начинают разнимать, в общем, как говорится, не успел глазом моргнуть, как я уже оказался в карцере. Прилетели, скрутили менты, и все — я там. Мне задают вопрос, не знаю, для понта или для чего, но факт, что с этого все и началось, так как я не успел ответить даже. Спросили: «За что я ударил «бугра»? И только я хотел ответить, как посыпались на мою голову, тело, короче, на меня всего - дубинки со всех сторон. Били меня пятеро ментов. По окончательному, скажем так, осмотру, который сделал врач, видно было, что они не смотрели, куда били. Вскрыли мне голову, сломали мне руку, одно ребро... Случайно я остался в живых. Просто во время этой потасовки, которую устроили эти поганые менты, случайно нагрянула в зону комиссия с Управления. Эта же самая комиссия сперва зашла в изолятор, то есть, где карцера. И зашли, увидели меня, стоящего около стены на полусогнутых... И весь в крови. Это был замначальника Управления. Тут же прекратилась эта битва, и замначальника спрашивает: «В чем дело, почему он в таком

виде?» Ему отвечают, что — ну, это уже идет фантазия «мусорская», так как надо защитить теперь себя, а не меня — мол, вот, нападение на администрацию, прежде был избит бригадир, и мы вынуждены были применить силу... Замначальника Управления посмотрел на меня и спросил: «Акт составили, что произошло вот это все?» Они говорят: «Нет, сейчас все будет сделано!» И оформили меня во вторую камеру, в одиночку посадили, чтобы меня в таком состоянии никто не мог видеть.

Из пятнадцати этих суток двенадцать я лежал не двигаясь, так как не мог встать. Когда меня кормили, дверь была открыта, что по их правилам противозаконно. Но, так как я не мог вставать, они ее открывали. Обычно кормит один мент, через решетку, а меня кормили трое ментов. На тринадцатые сутки я начал тихо-тихо вставать, на четырнадцатые-пятнадцатые, скажем так, оклемался чуть-чуть... Вышел из карцера — на голове швы, врачи поставили, рука в гипсе, а ребро само собой зажило... На следующий день ко мне приехала мать. Мне не дали свидания. Они не хотели, чтобы в таком виде она меня видела — боялись, что после свидания может пойти к прокурору...

Разве у ментов есть святое? Благодаря этому замначальнику Управления, я остался в живых. Если бы не он, то этих бесов остановить невозможно было бы. И думаю, что они бы меня добились там. Все равно, бесы есть бесы. Насколько бы он ни был хорошим ментом, все равно — внутри у него нет ничего святого...

РЕПРЕССИИ 2005 ГОДА

Абхазский дневник, Черкезия Марина, 43 года

Я — мать. У меня дочь. Несовершеннолетняя, которой нет ещё тринадцати. Мы вдвоём с дочерью живём. В 1937-м году в возрасте семи лет была вышвырнута на улицу моя мать. Её отец был командиром Отдельного абхазского национального кавалерийского эскадрона. Спустя почти 70 лет после 37-го года — 7 апреля 2005 — мы вновь пережили гонения. В буквальном смысле была вышвырнута на улицу наша семья. Моя двенадцатилетняя дочь (*пауза*)...

Я ушла в 11:25 из дому. Была в детской поликлинике, была в Министерстве образования, на обратном пути решила зайти на рынок, сделать своему ребёнку в день такого светлого праздника, коим является Благовещение, подарки. Встретила знакомых, как это бывает, поговорила — пришла домой в третьем часу. Когда зашла во двор, увидела: наши вещи валяются на земле! Стояла какая-то грузовая машина. Забежав в подъезд, увидела, как какие-то люди выносят нашу мебель. Я стала кричать: «Господи, где мой ребёнок?!» Я ведь закрыла дверь снаружи, я закрыла девочку в комнате — она осталась, болела. Что случилось, что происходит!? (*взволнованно*). Тут появились молодые девушки в милицейской форме, трое из которых, как потом выяснилось, были участковые инспекторы, а двое являлись инспекторами ИДН. «Не беспокойтесь, ваша дочь в безопасности». Говорю: «Где мой ребёнок?!» «В милиции.» Какой-то мужчина затыкивал меня в машину, хотел увезти в неизвестном направлении...

Я была сама не в себе, кричала, плакала: «Где мой ребёнок, что сделали с моим ребёнком!» Выбежала на середину дороги, остановилась какая-то машина, очень внимательный и вежливый мужчина сказал: «Давайте, я вас отвезу в милицию!» Я ему: «Да я не верю никакой милиции, потому что она, эта милиция, — там же, во дворе, где валяются наши вещи, и никто из них не говорит, где ребёнок и что с ним! По какой причине девочка оказалась в милиции?»

Дело было вот в чём. У нас с дочерью однокомнатная квартира, «довоенная», выкупленная. С нами на площадке в подъезде живут люди, которые до войны жили в сёлах. Они 10 лет только живут в городе, да ещё в столице, в Сухуме. У них, конечно, неумное желание обладать большей жилплощадью. И вот наши «соседи», занявшие двухкомнатную квартиру десяток лет назад, решили, видя, что тут живёт одинокая женщина с ребёнком, «расшириться» за счёт нашей квартиры. Деньги, как говорится, делают всё...

...По личному указанию начальника УВД Сухума ребёнок был доставлен к нему с той же целью, потому что знали, что мать туда придёт за своим ребёнком, и там, без свидетелей, меня бы тоже принудили отказаться от нашей собственной законной жилплощади.

Мы недосчитались ценных вещей, денег. У меня деньги на исходе. Мы без света (*рыда-ет*), ребёнка пою сырой водой, у меня денег нет ни на лимонад, ни на минеральную воду... Нам нанесён колоссальный материальный ущерб, девочка в школе не была несколько дней... Она у меня отличница... Где её учебники?! Где её художественная литература... книжки?! в каком всё состоянии... сквозь блузы, которые аккуратно висели в одёжном шкафу, торчат... вилки!!! В страшном состоянии наша квартира... Ребёнок сказал: «Мама, сколько детей уже в Абхазии жизнь самоубийством покончили... как я перенесу этот позор, как я буду жить!» Я не знаю, как я буду жить — в этом мире деньги делают всё... Если ты начитан, если ты интеллектуально развит, если ты занимаешься творчеством, а не сидишь как эти, «с гор спустившиеся», (*повысила тон*) десять лет назад занявшие чужие квартиры и считающие их своими... Они сидят во дворах, целыми днями лузгают семечки и сплетничают... Если я не такая, как они, если они в жизни книги не читали, а у меня был полон дом книг... то, значит, надо травмировать, репрессировать, повторять для нашей семьи 37-й год?! (*плачет*).

В 2001 году я начала писать книгу о своём дедушке, о ссылке бабушки, о жизни своей матери, которая инвалидом стала. Вся эта рукопись уничтожена, фотографии из семейного архива, альбомы — они все изодраны. Как можно жить, кто нам поможет! Работники милиции... Они больше не должны работать в органах внутренних дел и носить погоны... Ребёнок несовершеннолетний один был дома — и так поступили с ребёнком и со мной (*плачет*)...

МАМИН ПОТЕРТЫЙ ПАЛАС

Грузинский дневник, Тамара Александровна Кухно, 69 лет, Зугдиди

Я Кухно Тамара Александровна, родилась 22 ноября 1936 года в городе Гагра, куда мои родители приехали с Украины. Отец мой был в гонении, он был офицером царской армии, его арестовали, и маме не разрешили жить в Гаграх. Мама — грузинка, по фамилии Алания, здесь у нее было очень много родственников, как у мегрелов это бывает: не только мамиды, мамидашвили, деидашвили, а даже их дети уже считаются близкими — кровь и плоть (*отдалённо слышны гудки автомобилей, разговоры*). Но обидно, что сегодня жизнь такая. Каждый для себя, забывается добро, которое ты ему вчера сделал, а сегодня он может тебя оскорбить.

В позапрошлом году ночью 17 сентября 2003 года моя собака очень лаяла, я вышла. Мой сосед очень часто по-ночам туда-сюда гуляет, я подумала, что это он. Вдруг сзади на меня напали трое, свалили на кровать. У меня все лицо было поцарапано, один стал душить. Я стала с ними по-мегрельски говорить: «Му гоко — «что хотите?», муше мортит? — «зачем пришли?» «Тхилша,» — отвечает он. Тхили — это орех, они пришли за орехами. Орехи я сама собирала, на коленях ползала. Что было делать? Отдала ключи, и они забрали. Тогда я, наверное, была в агонии, и почему-то я глянула в угол, где у меня сложен был старый палас. Когда в 1972 году мы вошли в новую квартиру, полученную от ИнгурГЭС, моя мама сама оставалась голодной, но чтобы что-то сделать приятное, она на свою пенсию купила нам этот палас. Представляете что со мной стало, когда я увидела, что этого паласа нет. Он старый — 72 года, весь потертый, но для меня он был всем. Мне было очень тяжело, я садилась на этот палас, гладила его и разговаривала с моей покойной мамой (*плачет*)! Во-первых, этот палас только если на улицу постелить, а у богатых такой и на улице не постелен. Для меня же он был самым-самым дорогим, что у меня осталось от моей мамы (*плачет*)!

Так что страшно жить, страшно жить! Мне-то предлагал консул уехать отсюда. Куда я поеду? Здесь похоронены мои предки: мать, отец, бабушка, брат... Для меня слаще зугдидской земли нет ничего на свете!

САМОСУД

Армянский дневник

У меня был любимый человек, с которым мы мечтали создать семью. Однако нам мешали некоторые обстоятельства, а точнее, армия, и нам пришлось расстаться на два года. Уходя на службу, Давид, так звали моего возлюбленного, пообещал, что во время нашей разлуки его близкие друзья — так, по крайней мере, ему казалось — будут помогать мне, и его отсутствие не будет столь болезненным. Так и было, его друзья постоянно помогали мне во всех вопросах. На протяжении первых шести месяцев мы настолько сблизились, что почти сроднились.

В один прекрасный день один из ребят сообщил мне, что у них есть весточка от Давида и что вечером они навелят меня. Когда они пришли, я сразу поняла, что парни находятся в нетрезвом состоянии. Мои попытки выпроводить их были бесполезны. Один из них силой толкнул меня, и все трое ворвались в квартиру. Их непристойное поведение настолько рассердило меня, что я грубо попросила их покинуть квартиру. Однако реакция была отнюдь не адекватной. Один из них подошел и ударил меня, и я упала. Я не понимала, что происходит и откуда такая агрессия. Я тщетно просила и молила их оставить меня в покое. В результате полученных ударов я потеряла сознание, а когда очнулась, поняла, что меня насилуют. Я не помню, сколько это длилось и сколько раз они менялись. Я молилась, чтоб мои муки быстро закончились. Весь оставшийся вечер я провела в своей комнате в тяжелом психическом состоянии. Несколько раз я пыталась покончить жизнь самоубийством, однако, мысль о ненаказанности заставляла меня остановиться.

После долгих раздумий я пришла к выводу, что я обязана отомстить. В один прекрасный день я пригласила их к себе домой, сказав, что мне хочется повторить тот вечер. Когда они пришли, я приготовила им кофе, заранее подсыпав туда большое количество снотворного. Им не терпелось «приступить к делу», однако снотворное в скором начало действовать. Когда молодые люди окончательно заснули, я приступила к своему плану. Достав из ящика бритву, я начала медленно кастрировать их, после чего я позвонила в «Скорую помощь» и милицию и сообщила, что кастрировала людей. Пришло время суда, и мне было все равно,

чем все это закончится. Я сделала то, что считала правильным. Единственное, в чем я была уверена — то, что зло должно быть наказано. В результате меня оправдали.

Сейчас я замужем и живу с моим любимым человеком — Давидом. А про тот случай мы стараемся не вспоминать, однако то, что произошло со мной, никогда не забудется.

УСТАМИ ПЕЛЕ

Армянский дневник, Согомон Вараздатович Урусян, бывший заключённый

Я в 1996 году был осужден за хулиганство.

Мардоян Армен, который был начальником режима, пришел ко мне и поинтересовался, продают ли дом моего отца. Я сказал: «Не знаю. Что, купить хочешь?» Так я и не понял, купил он дом моего отца или нет.

Наступил 2004 год, а в 2002 мой отец умер. Когда я освободился в 2000 году, Мардоян пришел ко мне и говорит, что дал моему отцу 2200 долларов. Я говорю: «Я ничего об этом не знаю».

Он требует: «Должен дать — и все».

А я: «Мне нечего тебе дать».

9 мая 2004 года я сидел дома в кресле, ко мне пришли из следственного отдела, скрутили руки и скомандовали: «Пошли!»

«За что?»

Моя жена и ребенок говорят: «За что его уводите? Что он сделал?»

Говорят: «Да так, надо кое-что выяснить».

Привели меня, вижу — Мардоян Армен.

Мне говорят: «Ты взял у Мардояна Армена деньги».

Спрашиваю: «Когда?»

Говорят: «В 1996 году».

Говорю: «Мардоян Армен, ты давал мне деньги?»

Говорит: «Да».

Спрашиваю: «В каком году?»

Говорит: «В 1996 году».

Говорят: «Или получаешь срок, или даешь расписку о том, что он дал тебе 2500 долларов».

Говорю: «Давайте, напишу».

Пишу, что в 1996 году я был осужден на три года. Я полагаю, что должна же быть справедливость в суде. Пишу, что Мардоян Армен дал мне 2500 долларов. Потом в суде выясняется, что Мардоян Армен денег мне не давал.

Говорю: «Мардоян Армен, ты давал мне деньги?»

Говорит: «Нет».

Говорю: «А зачем я писал это? Зачем я написал все это, что ты дал мне деньги?»

«Кто ты был тогда?» — спрашиваю его.

Говорит: «Начальник по режиму».

«А я кем был?»

«А ты был заключенным».

«Ты мог взять у меня и дать мне 2500 долларов?»

Говорит: «Нет».

Говорю: «А зачем я писал? Для чего ты повел меня к начальнику следственного отдела?»

Этот, как его, судья Верховного суда в Ереване, Аванесян, спрашивает: «Парень! Ты мог и кинуть».

Говорю: «Гражданин судья, он — начальник режима, а я — осужденный на 10 сроков человек. Как он может довериться мне и дать 2500 долларов без расписки, без заверения нотариусом? Как мог дать?»

Я построил дом для своего ребенка. Газарян Валод — судья этого суда первой инстанции — говорит: «Твоему ребенку тоже не полагается иметь дом».

Что?! Твой откормленный на взятки ребенок достоин, а моему ребенку не полагается? Я не воровал, я трудился, проливал пот и построил для своего ребенка дом. Нет, знаете, я не преступник. Я парень, который живет для своей семьи. Был осужден за драку и все, ни за что другое не был осужден. Пусть кто-нибудь скажет, что «Пеле у меня украл что-то, Пеле ограбил меня», я отвечаю за это.

Я уже свое прожил. Для меня все в прошлом. Но у меня растет дочь, поэтому я хочу, чтобы девочка росла аккуратно, как нормальный ребенок. Я хочу сделать святое дело и с этим жить. Вот моя одиннадцатилетняя Анушик, я живу ради нее. Я на своем веку многое повидал. Семнадцать лет жизни отсидел: знаю, что такое жизнь, знаю — что к чему. Но эти люди не дают! не пускают! Приходят из следственного, отсюда, оттуда, притесняют меня. Я даже из дома не выхожу. Приходят, зовут: «Ну-ка, давай, пошли, дело есть».

Какое дело?! Что я такого сделал?! За мной ничего такого нет, клянусь могилой родителей!

Перевод с армянского

ШТРАФ ЗА УШИБ

Грузинский дневник, Нонна, 35 лет, Батуми

Меня друзья называют искательницей приключений. Я, как магнит, притягиваю всякие нелепые ситуации, всякий абсурд должен произойти именно со мной.

Улица, где я живу, очень узкая, забита уличными торговцами. Встречные машины на этой улице еле-еле разъезжаются. Когда я утром выхожу на работу, то до работы едва добирюсь. А вечером и говорить нечего, и того хуже. Дорожная полиция, проиграв войну уличным торговцам, решила движение на этой улице сделать односторонним и повесила на углу огромный запрещающий знак.

Как-то вечером, возвращаясь домой, я не смогла пройти кордон торговцев и пошла по проезжей части дороги в надежде, что сзади машина не появится — движение одностороннее, — а спереди я машину увижу. Думая так, я почувствовала страшную боль и оказалась на асфальте... Боль и удивление ошарашили меня, но так или иначе, я пришла в себя и слышу какая-то женщина буквально визжит: «Ты зачем подставила ногу под мою машину?!»

Тогда я поняла, что мне ногу переехала машина. Собрались зеваки, прохожие, соседи спустились, дотащили меня до дома. А женщина, которая меня переехала, как будто растворилась (*жалобно*). Вечером нога опухла, пришлось обращаться к врачу, делать рентген. Назначили мне лечение, лекарства дорогие, мази, уйма денег ушла, потом массажи, говорят, надо, и месяц, как минимум, на ногу наступать нельзя.

Когда в больнице узнали, что мне ногу переехала машина, сообщили в полицию, сопротивляться я им не стала. Полиция посетила меня в больнице и взялась за дело. Ходили ко мне в день 3 раза. Сочувствовали, как водитель мог оставить тебя в таком состоянии и т.д и т.п. Заставили написать объяснительную и меня, и членов моей семьи. Нашли-таки ту женщину. И достаточно быстро. Мы, говорит, её заставим за лечение заплатить. Глядя на усердие полиции, я забыла свои горести. Прошло время. Я получила из полиции официальную бумагу, где до моего сведения доводили, что я должна заплатить штраф за то, что создала аварийную ситуацию на дороге. Удивлению моему и возмущению моему не было предела!

Позже, очень постаравшись, я узнала, что женщина, наехавшая на меня, была невесткой сотрудника прокуратуры. Квитанцию на штраф я берегу, как зеницу ока, а ногу лечу до сих пор (*с иронией*)!

Перевод с грузинского

ОПЫТНЫЙ ВОДИТЕЛЬ

Азербайджанский дневник, Паша Гадиров, 40 лет

В моем саду вырос хороший урожай. Мы продали лучшие плоды, остался второй сорт, и таких было много. В Кубе, конечно, яблоками трудно торговать — своих полно, пришлось везти в Баку. Одну автолавку, то есть крытую машину, загрузили где-то 150 большими ящиками. Поехали в Баку. С собой я взял своего зятя Фахраддина, еще одного рабочего и водителя. В Баку решили, что поедем на новый базар, что находится в людном месте. Взяли разрешение в дирекции рынка и пошли к лестницам нового базара. Автолавку подогнали туда.

Мы продавали дешево, а на базаре яблоко — дорогой товар. Граждане видят, что яблоки хорошие, приходят и становятся в очередь. А у меня была машина с номером 17-30, марки «Жигули». Я оставил ее на шоссе перед входом в базар. А на той улице повесили знак о том, что здесь запрещено останавливаться. Я — инвалид второй группы, из-за сердца у меня, как у инвалида, было право на парковку машины в том месте. Но этот документ был у меня с собой, а его надо было приклеить на заднее стекло. Так вот, вдруг наш водитель подходит ко мне и говорит: «Паша муаллим, ГАИ на улице снимают ваши номера. Как вы потом найдете их? Вы останетесь здесь».

Я отвечаю водителю: «Не беспокойтесь, меня и здесь знают». А водитель знает, что в Куба-Хачмазской зоне я один такой феномен. Меня знают как человека ведущего борьбу с несправедливостью. Всегда говорю свое слово с трибуны. Все работники ГАИ меня знают, они не снимут мои номера.

А водитель засомневался: «Да в Баку кто вас знает, Паша муаллим? Это Баку, здесь около двух миллионов населения. Здесь дядьки тебя...»

Говорю: «Не беспокойся, брат, и здесь меня узнают, пусть снимают».

Когда он сказал, что снимают номера, я понял, что они сами допускают большое беззаконие. Потому что я хорошо знаю эти законы.

Да, сняли номера с моей машины. Водитель сказал, что майор уехал, там остался парень с мотоциклом — указывает направление машинам. Говорю зятю: «Вы продавайте яблоки, а я с рабочим пойду к молодому парню». Обращаюсь к нему: «Молодой человек, вы сняли номер моей машины?» Отвечает: «Да, мы сняли. Старик, что это за знак, что висит?»

«Остановка запрещена,» — говорю.

«Да, вы знаете этот знак, и, зная это, вы остановили здесь. За это наказывают».

Говорю: «Молодой человек, я задам вам один вопрос. Когда снимают номера машины?»

Он не ответил. Я ему говорю, что номера снимают тогда, когда машина не пригодна для эксплуатации и даже на метр не может сдвинуться.

«Вот вы сняли номера, уедете, а через полчаса я поеду в город и, не дай Бог, кого-то собью. Откуда узнаете, какая это машина? Номера снимают в том случае, когда приостановлена эксплуатация машины или надо заменить мотор или же если машина стоит у отдела. Какое вы имеете право снимать номера, если машина в рабочем состоянии?»

Говорю: «Наверное, ваш начальник с моими номерами хочет пойти на ограбление или же на какое-либо преступление!»

Он очень заволновался: «Что вы говорите?»

Не помню, прошло то ли полчаса, то ли сорок минут, но даже часа не прошло, как водитель пришел и сообщил: «Паша муаллим, ваши номера вернули!»

Перевод с азербайджанского

МНИМЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Абхазский дневник, Аида Маландзия, 24 года

Это было в 1996 году, когда я училась на первом курсе, жила с сестрой, которая была тоже студенткой. Мы снимали квартиру на Турбазе. Рядом жила женщина, с которой мы были просто знакомы. Она была матерью-одиночкой и жила в собственном доме. Звали эту женщину Ниной.

По соседству с Ниной жил какой-то довольно зрелый мужчина, как потом выяснилось, это был мой бывший ухажер, которого, честно говоря, я ненавидела от всей души... Однажды ночью он решил ограбить Нину. Он зашел в дом с маской на лице. Нина, увидев его, конечно, узнала своего соседа и стала кричать: «Не трогай меня, не убивай, пожалуйста! Бери все, что хочешь, все что есть, только не убивай!» Мужчина, догадавшись о том, что Нина узнала его и дело пахнет нехорошим, решил и в самом деле убить Нину. Он взял топор и стал ударять ее топором. Когда она упала без сознания, уже вся в крови, он подумал, что она мертва, и быстро смылся. Соседи, услышав крики, прибежали и сразу увезли ее в больницу. Обо всем этом я узнала на следующий день. Сразу же побежала в больницу, нашла ее.

Ну, а что я там увидела, нельзя описать словами. Я этого никогда не забуду (*тяжело вздыхает*). Перед глазами живой труп. Бедная женщина была вся в крови! Мне стало не по себе. Мне стало жаль эту женщину беззащитную. Прошло некоторое время. Нина, конечно, шла на выздоровление. Она встала на ноги. Но стала инвалидкой первой группы.

Конечно же, она решила наказать эту «сволочь», которая причинила ей столько зла. Она подала на него в суд. Но нужен был еще свидетель, а такого не было. Когда я узнала об этом, я не могла быть в стороне, не оказать помощь женщине, считаю это справедливым. Я решила стать свидетелем в этом деле. Мы договорились, что я скажу, как будто в эту ночь я спала в другой комнате, ну, и т. д. Это дело в МВД вел следователь, он очень справедливый человек. Он не глупец, все понял, но поддержал меня. Одним словом, мы посадили этого подлеца в тюрьму!

СВАДЬБА БОГАЧА

Армянский дневник

Я хочу рассказать об одном случае, свидетелем которого была я сама. Случай этот просто потряс меня. По понятным причинам я не буду называть имена, потому что речь идет об очень известном человеке в нашем городе. Недавно он сыграл свадьбу своей дочери. Как правило, у богачей очень роскошные свадьбы бывают. Весь двор с нетерпением ждал этой свадьбы.

У нас есть такой обычай: детвора берется за руки и закрывает путь машинам, чтобы кум дал деньги в качестве подарка. Дом этого богача находится достаточно далеко от наших зданий. Таким образом, машины должны проехать довольно длинное расстояние, чтобы доехать до этого дома. Словом, три-четыре группы детей перекрыли дорогу, а жители домов вышли поглазеть, так как говорили, что свадьба будет очень роскошной.

И вдруг мы видим, что на большой скорости какая-то машина выехала из дома богача и направляется по направлению к детям. Сначала нам показалось, что какой-то подвыпивший гость решил себя показать, и я даже сказала соседям: «Неужели этот человек не видит, что происходит на свадьбе его дочери? Как он допускает такой скандал?» Машина на такой скорости примчалась к детям, чуть не сбила нескольких из них! А мы наблюдаем за всем этим. Я, честно говоря, не знаю в лицо хозяина этой свадьбы, но вижу, как водитель выходит из машины и ругает этих детей такими словами, которые я в жизни не слышала.

Все жители похолодели, замерли. Рядом с шофером сидела женщина, которая выступала ничуть не меньше, чем тот мужчина, который пытался поймать одного из детей. Дети все разбежались, самому старшему, наверное, лет двенадцать было, не больше. А мужчина не унимался, все угрожал вслед пацанам.

Чуть позже моя соседка поднялась ко мне и говорит: «Видела, что делается? Как назло, ни одного человека из прессы не было, чтобы всем об этом рассказать». А я ее спрашиваю: «Неужели хозяин свадьбы не видел всего этого?!»

А она мне отвечает: «Так это он и был!»

И этот человек скоро выдвинет свою кандидатуру в городские старейшины. А дети хотели всего-то каких-нибудь 1000 драмов, которым они были бы несказанно рады. Соседи наши говорят, что на свадебное оформление он потратил довольно кругленькую сумму. Мне очень обидно, что у нас будут такие руководители.

Перевод с армянского

КОЛЬЦА ИЗ САПОГ

Грузинский дневник, заключённый

Моё поколение, все, кого я знаю, с детства поворовывали. Моя семья нуждалась, впрочем, как и все вокруг или почти все.

Началось всё в школе. Мне на обед давали 20 копеек, которых, конечно, не хватало. Мы присматривались, кто приходит в школу с деньгами и ест в буфете отдельно или тайком, и просто отбирали деньги. Так продолжалось практически все школьные годы. Мы стали «крутыми», как будто «крутыми». Денег, которые мы отбирали у пацанов, стало не хватать, нам нужно было больше... Стали мы, как говорят, «чаличевать» — воровать, грабить. Дома врали, что мы где-то, скажем, в одном месте, а на самом деле были совершенно в другом месте... Так жили почти все из моего окружения.

Как-то раз я заметил, что в одной из квартир по соседству свет не зажигался несколько дней. Понял, что хозяйева, наверное, выехали из города. Предложил другу: «Давай возьмём, то есть, ограбим, эту квартиру!»

Он все быстро сообразил и согласился. Пошли мы на дело, в квартире стали шманать всё подряд — денег найти не можем: всё есть, а денег нет. Наконец, в серванте, взломали закрытый на ключ выдвижной шкаф, а там сапоги замшевые лежат, сбросили их на пол, из них вывалились коробочки с обручальными кольцами. Загребли мы всё, что можно было легко продать и взять деньги. Началась гулянка, деньги тратили широко... В итоге, на меня объявили розыск (*пауза, смеется*), плохо моё дело, поймают — посадят в тюрьму! Подался я в бега. Долго скрывался, потом в Россию уехал. Через несколько лет вернулся — меня поймали и всё равно посадили.

Перевод с грузинского

ДОВЕРЧИВЫЙ ТАКСИСТ

Азербайджанский дневник, Надир Абдулкеримов, 57 лет

Стою на автовокзале. Дело было поздним вечером, около полуночи. Вижу: стоят два парня на вокзале. Один из них подошел ко мне и спрашивает: «Дядя, до Аджикабула довезете?» «Да, — говорю, — отчего ж не отвезти». Ну, договорились с ним об оплате за дорогу. По 50 тысяч манатов за каждого. Короче, поехали. По дороге я разузнал их имена, кто они. Да, а у меня в кармане всего тридцать тысяч манатов. Говорю: «Ребята, вдруг обманете меня по приезду, а у меня нет денег на обратную дорогу, останусь в тех местах». А они: «Нет, дядя, да что ты говоришь?! Все будет хорошо».

Доехали до Аджикабула. На какой-то улице лежит труба посреди дороги, машина не проедет. Один из мальчиков, который сидел сзади, сказал, что пойдет к тете, возьмет денег. Одним словом, сошел и ушел с концами. Где-то полчаса сидели, ждали его, но он не вернулся. Думаю: что делать? И тут второй парень говорит: «Мы из Сабирабада, давай к нам поедем, переночуешь у нас, а завтра отец расплатится и проводит вас».

Думаю: что делать? И у меня в кармане нет денег, чтобы вернуться назад, вынужден был согласиться.

Короче, поехали к ним в деревню, а он начал указывать дорогу: «Дядя, рули туда, сверни сюда». В конце концов, завел он меня к одним воротам. Думаю: слава Богу, наконец-то доехали. А он говорит: «Сойду, открою ворота». Вышел он из машины, прошел в заднюю часть машины. Думаю: наверное, он перелезет через забор и с той стороны откроет дверь. Черт побери, вижу: он тоже сбежал.

Три часа ночи. Что делать, куда идти? Думаю: ну ничего, пусть наступит утро, я знаю их имена, и, в конце концов, все разузнаю, посмотрю, как сложатся обстоятельства.

Ну, лег я в машине. Разве я мог заснуть? В кармане нет ни денег для обратного пути, нет ничего. Короче, наступило утро. Пошел по деревне, вижу: пара стариков стоят, выводят скот. Подошел к ним, спрашиваю: вы знаете этих людей? Говорят: да, знаем. Рядом был один маленький мальчик, старик сказал ему, мол, отведи, покажи ему дом Заура. Пошли туда, постучали в дверь. В дверь вышел один старик и спрашивает: «Что случилось?» Рассказал, как парень ночью привел меня к этим воротам, сказал мне: «Дядя, подожди, я открою дверь» — и убежал. С вечера сидел в машине у ворот того дома. Разве можно так делать?

Старик удивился: «Да что ты говоришь? Позовите его сюда!»

Вижу: позвали того парня. Выходя из дома, он тоже увидел меня, побледнел. Его брат был рядом, поймал его и отлупил пару раз.

Ну, пригласили меня в дом, накормили, напоили, хорошенько поухаживали. Дали денег, в придачу еще одну индюшку. И проводили меня.

Перевод с азербайджанского

ОГРАБЛЕНИЕ

Абхазский дневник, Оксана Гогия, 22 года, медсестра

Когда началась война, мы с мамой и младшей сестрой оказались в Москве. Мы жили там у русских людей, у знакомых наших, шесть месяцев. И с нами там произошла такая история. В дверь постучали, и я, по нашим обычаям, подошла к двери, спросила: Кто там?» и открыла дверь. Гость спросил, нет ли хозяина дома. Я сказала, нет. Тогда он попросил бумагу и ручку. Я зашла в дом и начала искать записную книжку. В это время он и двое его друзей зашли в квартиру и спросили, кто дома.

Я ответила: нет, никого нет. И почему-то я не сказала, что мама купается в ванной. И младшая сестра находилась в комнате. Они тогда зашли спокойно и начали обыскивать.

И в этот момент мама, видимо, что-то почувствовала и позвала меня по имени. Когда он услышал чей-то голос, спросил: «А кто дома?» «Мама купается в ванной», — ответила я. Он взял меня за руку и подошел к двери ванной. Мама открыла дверь и была в панике. Он вытащил нож и сказал: «Молчи, а то зарежу!» А второй вытащил сестру из комнаты и держал нож возле горла одной рукой, а другой прикрывал ей рот. Мама закричала и начала плакать. «Мы убежали от грузин, а тут нас хотят убить!» Тогда он нас пожалел и закрыл в ванной. Он сказал, что когда-то был в Абхазии и знает многих, и, пожалев, оставил нас в живых.

Когда захлопнулась дверь, мы поняли, что в квартире никого нет. С трудом выбили дверь ванной и вышли. Мама выбежала на площадку и позвонила к соседу. Она сказала, что произошло, но он спокойно ответил: «Грабят на каждом шагу, и милиция не поможет». Перед носом закрыл дверь. И в это время на площадке открылся лифт, и вышла хозяйка квартиры. Мама начала плакать и стала объяснять. Та сразу спросила, как дети, что с ними. Мама говорила: «С детьми все нормально, но квартиру ограбили». Хозяйка сказала: «Как можно думать о вещах и о мебели, когда у вас там, в Абхазии жгут дома, убивают людей и происходит много горя?!» И это нас очень сильно впечатлило, как русская женщина вошла в наше положение.